

Ю. С. Язикова

О народно-разговорной основе семантической структуры слова в языке М. Горького

Studia Rossica Posnaniensia 10, 43-48

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ю. С. ЯЗЫКОВА

Горький

О НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В ЯЗЫКЕ М. ГОРЬКОГО

Говоря о народно-разговорной речи, мы имеем в виду ту разновидность общенародного языка, которая включает в себя традиционно выделяемые просторечие и территориальные диалекты. Сюда же должны быть включены профессиональные и другие социальные диалекты. Но судя по нашим наблюдениям, эта группа в языке М. Горького не отразилась сколько-нибудь существенным образом, и поэтому мы не будем ею заниматься. Что же касается территориальных диалектов и просторечия, то между ними естественно возникают точки пересечения. Ненормализованная разговорная речь горожан очень часто испытывает на себе влияние окружающих диалектов, или, при ином подходе, сохраняет в себе черты соответствующих говоров. Так появляется еще одно языковое явление, чаще всего называемое полудиалектом.

Все эти внелитературные разновидности языка могут играть и играют важную роль в реалистической литературе. Однако чаще всего обращается внимание на их живописующую („живописную“) роль, они рассматриваются как средство речевой характеристики, как *colour locale* и т.п. При этом нередко упускается из виду, что они могут быть субстратом литературной речи писателя. Впервые на это обратил внимание в 1935 году Б. А. Ларин в статье *Диалектизмы в языке советских писателей*¹, послужившей откликом на известную дискуссию о диалектизмах в языке советской художественной литературы. Он выделяет различные способы отношения к диалектизмам. Наряду с коллекционированием „экзотичных“ фактов можно выделить практику отражения писателем элементов привычной ему речи рабочих и крестьян. Это либо стихийное включение ее элементов без критической оценки их свойств, в первую очередь эстетических (думается, что в эпоху высокого развития

¹ Б. А. Ларин, *Диалектизмы в языке советских писателей*. В кн.: Эстетика слова и язык писателя, Ленинград 1974.

культуры общества такой подход отмирает), либо умение пользоваться ими „не ради натуралистической точности, а в поисках наиболее эффективных языковых средств при создании образа”². В последнем случае авторы прибегают не к внешним признакам такой речи, фонетическим или лексическим, — они „вводят в свой язык семантические идиомы диалекта, т.е. своеобразные и специфические смысловые построения и комплексы его”³.

Разумеется, подобный подход возможен при подлинном знании диалекта (и шире — народно-разговорной речи). Важной предпосылкой такого знания является то, что мы назвали бы языковой биографией писателя. Говоря о языковой биографии М. Горького, следует учесть его детство. Сам писатель дал нам богатый и достоверный материал в автобиографических повестях. Из них мы узнаем о среде, в которой он рос и воспитывался⁴. В языковом отношении это городское просторечие, в значительной степени насыщенное чертами окружающих говоров (вспомним хотя бы оканье писателя). *Странствия по Руси* знакомят М. Горького — а точнее А. М. Пешкова — с самыми разнообразными системами народной речи, а его неодолимая тяга к литературе и знаниям ввела его в круг литературной речи.

В зрелые годы писатель М. Горький становится горячим противником как коллекционерского, так и стихийно-натуралистического подхода к народно-разговорной речи — достаточно вспомнить его призыв писать „по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски”. Однако это не означало отказа от использования богатств народной речи. Не случайно в языке М. Горького ошутима сознательная тяга к народно-разговорной речи и усиление ее роли. Это отмечают все исследователи, затрагивающие названную проблему.

Итак, говоря о народно-разговорной основе семантической структуры тех или иных слов, мы будем иметь в виду не только включение в нее фактов, свойственных нелитературной разговорной речи, но и их неслучайную и второстепенную роль в строении полисеманта. Материалом анализа послужило слово *бунт*.

Семантическая структура слова *бунт* в литературном языке несложна. *Словарь современного русского литературного языка* (ССРЛЯ), описывающий ее наиболее подробно, дает следующую схему значений: 1. ‘Возмущение, мятеж’. 2. Полит. ‘Стихийное, неорганизованное восстание угнетенных масс против своих угнетателей, эксплуататоров; возмущение.//Восстание против деспотического, жестокого начальника, помещика и т.п. Распространительно: о проявлении неповиновения, непокорности’. Нетрудно заметить, что все они объединены общей семьей ‘неповиновение, выступление против властей’.

² Там же, стр. 233.

³ Там же.

⁴ Детальную характеристику этой среды, опирающуюся на архивные материалы, мы найдем в книге Н. А. Забурдаева, *В семье Кашириных* (Горький 1976).

В языке повествовательной прозы М. Горького мы находим по преимуществу употребление этого слова в первом значении. Однако есть случаи употребления его в особом значении:

Когда Кожемякин рассказал ему свой план, поп обрадовался < > и горячо заговорил: — Так вот чем закончился тихий ваш *бунт*!

Кожемякин, вспомнив о Максиме, тяжело вздохнул: — Уж какой — тихий!

Но поп продолжал, подняв палец к лицу своему и глядя на него: — Да, да, — тихий! Мы все живем в тихом *бунте* против силы, влекущей нас прочь от родного нам, наша болезнь — как это доказано одним великим умом — в разрыве умственной и духовной сущности России < >. Противоборствуют в каждом из нас два начала: исконное, родное, и привитое нам извне, но уже отравившее кровь нашу, — против сего-то последнего — весь давний наш, тихий *бунт*!⁵

Перед нами образец типичного для языковой манеры писателя диалога, когда собеседники, в зависимости от хода своих мыслей и социально-речевого опыта, вкладывают в слово разный смысл. В речи священника слово *бунт* значит 'протест против силы, стоящей над людьми' и является развитием общенародного значения. Но другой собеседник осмысляет его иначе:

Кожемякин, вспомнив о Максиме, тяжело вздохнул: — Уж какой — тихий!

Он вспоминает наиболее важный для него эпизод — драку с дворником Максимом. Разумеется, в драке хозяина с дворником нельзя увидеть „проявление неповиновения, непокорности” со стороны первого. И поэтому *бунт* в понимании Кожемякина не подходит ни под одно из значений, описанных в ССРЛЯ, — это слово синонимично *драке*. Такого значения не фиксируют словари литературного языка, зато его можно найти в словарях диалектных. То есть Кожемякин воспринимает *бунт* в диалектном значении, а если учесть зону распространения этих фактов, то в полудиалектном.

Естественно возникает вопрос, насколько это значение свойственно языку самого М. Горького и каково его место в индивидуальной языковой системе писателя.

Нужно сказать, что само слово *бунт* малоупотребительно у писателя и почти всегда включено в речь персонажа. Чаще всего оно дано в значении 'мятеж, открытое сопротивление низов'. Так, крестьянский парень выясняет смысл непонятого ему слова: — Революция — бунт? (VII, 318).

В речи интеллигентов *бунт* выступает в значении 'стихийное восстание масс', а у реакционно настроенных, например Варавки из *Жизни Клима Самгина* приобретает пейоративную окраску. Но несмотря на различие привносимых коннотаций и даже семантики (мы имеем в виду наличие или отсутствие смыслов 'стихийность'), смысловое единство сохраняется и связано с описанной выше семантической структурой слова. Однако мы уже видели, что М. Горький

⁵ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. IX, Москва 1950, стр. 540 и след. В дальнейшем цитируем по настоящему изданию. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу. Купюры в тексте отмечаются знаком < >.

употребляет его в иносистемном для литературного языка значении — ‘ссора, драка’.

Каково его отношение к индивидуально-языковой системе самого писателя? Включено ли оно в нее, или кожемякинское понимание чуждо горьковской речи? Мы уже говорили, что это значение зафиксировано диалектными словарями. Сошлемся на наиболее полный *Словарь русских народных говоров*, который первым дает значение ‘ссора, драка’. Аналогичные значения приводят *Псковский областной словарь* (‘шумное проявление недовольства, скандал’) и *Словарь современного русского народного говора* (‘драка, скандал’). Таким образом, употребление этого значения в речи персонажей, говорящих на диалекте или полудиалекте, можно было бы считать только средством их культурно-социальной характеристики. Но в значении, близком отмеченному, — ‘скандал, недостойное поведение’, его употребляет в *Жизни Клима Самгина* студент-медик Макаров:

— Прекрати судороги, Володька, — грубо и громко сказал Макаров, наливая водку. — Довольно неистовства, — прибавил он сердито. < > — Ты все о моем достоинстве заботишься? Не надо, Костя! Я — знаю, не надо! Какому дьяволу нужно мое достоинство, куда его? < > Оставь, Костя! Право бунта, Костя! — Бабий бунт. Истерика. Иди, облей голову холодной водой (XIX, 425 сл.).

В этом диалоге идет своеобразный спор-оценка поведения Лютова. Оставленный невестой, Лютов свое поведение расценивает как некий протест против случившегося („право бунта” — право выразить свою горечь, обиду). Макаров же называет поведение приятеля истерикой, недостойной мужчины реакцией. Вот почему мы считаем возможным усмотреть здесь значение ‘скандал, недостойное поведение’. Итак, малограмотный купец и студент употребляют *бунт* в сходном значении, а различия в семантике обусловлены конкретной ситуацией.

В рассказе *Карамора* основной герой и повествователь достаточно образован, что проявляется даже в известной книжности его речи. О своем переждении он говорит так:

Трудно мне объяснить это состояние тихого, но упрямого бунта, который вызывал во мне странную вялость мысли, чувства и настойчивую потребность испытать что-то неиспытанное (XVI, 146).

В этом случае значение слова *бунт* определяется как ‘недовольство чем-л.’. В том же значении употребляет его, как мы говорили, и Лютов.

Наконец, в речи автора мы находим:

Самгин с досадой покосился на нее (Дуняшу), говоря о бунте поручика в клубе. < > — После скандала я ушел и задумался о тебе, — вполголоса говорил Самгин, глядя на дымок папиросы, рисуя ею восьмерки в воздухе. — Ты, наверно, поешь, воображая, что твой голос облагораживает скотов, а скоты, внизу ... (XXI, 146).

Здесь показательна полная синонимичность слов *бунт* в авторском тексте и *скандал* в речи Самгина.

Таким образом, в приведенных примерах слово *бунт* значило то 'скандал, драка', то 'недостойное поведение, скандал', то 'недовольство чем-л.' и 'протест против чего-л.' Нужно сказать, что эти смыслы объединяются не только попарно (о возможности сближения первой пары мы уже говорили, а недовольство и протест тоже достаточно близки), но можно установить сходство и между парами: недовольство может обнаружиться в протесте, который проявляется в резких отличиях от нормы поведения, принимающих различные формы в разных социально-культурных группах общества.

Как это часто бывает со словами, содержащими оценку, семантический элемент здесь может уступать оценочному или отодвигаться на задний план. Поэтому мы не видим необходимости отделять в качестве особых значения 'скандал', 'драка', 'недостойное поведение'. В качестве семантически ведущего мы склонны выделить — 'недовольство чем-л., протест против чего-л.', а 'недостойное поведение; скандал, драка' рассматривать в качестве единого оттенка значения.

Всех этих смыслов, как мы уже говорили, нет в нормализованной литературной речи, все они противостоят литературному употреблению отсутствием основной для него семы — 'неповиновение, выступление против власти' и свойственны в общенародном языке диалектно окрашенному просторечию, полудиалекту⁶.

Каково же место этих фактов в языке М. Горького? Для нас очень важно, что мы встречаем их в авторской речи, а также речи персонажей, которые свободно владеют литературным языком как основной формой общения. Поэтому у нас нет оснований исключить эти смыслы из системы языка М. Горького. Точнее было бы считать, что в ней слово *бунт* семантически сложнее, чем в общелитературном языке, и включает в себя значения, которые в общенациональном языке входят в две различные, нередко противопоставленные системы — литературный язык и полудиалект. В языке М. Горького (мы говорим о слове *бунт*) эти две системы оказались совмещенными, а объединяющей семой выступает 'недовольство, протест'. Интересно, что семантически близкий глагол *бунтовать* в общелитературном языке включает в себя оба значения — 'выступать против властей' и 'проявлять недовольство, протестовать'⁷. Иными словами, то, что в существительном оказалось расщепленным, в глаголе продолжает быть объединено.

⁶ Территориальная приуроченность этих фактов, судя по словарям, очень широка: это Якутия, Вятка, смоленские, псковские, рязанские и проч. говоры. О широком географическом распространении свидетельствуют и материалы Словарной картотеки Института языкознания АН СССР: аналогичные факты мы находим в речи нижегородца Н. А. Добролюбова, омича В. В. Куйбышева, москвича А. Н. Островского, саратовца Ф. В. Гладкова. Иными словами, мы имеем дело с фактом просторечия, но не повсеместно распространенного.

⁷ Следует сказать, что лексикографическая оценка этих значений в словарях различна, но мы не станем ее анализировать.

Мы можем сделать вывод, что семантическая структура слова *бунт* в языке М. Горького представляет собой как бы результат совмещения двух языковых систем, литературного языка и полудиалекта, а точнее, отражает более широкую систему — общенациональный язык в целом⁸.

Учитывая, что это факт не единичный, что семантические структуры ряда слов в языке М. Горького построены аналогичным образом⁹, мы можем высказать предположение, что индивидуальный язык М. Горького сформировался на основе общенационального языка, а не той или иной его разновидности. Иными словами, можно предположить, что язык М. Горького максимально полно отражает речь народа, включая даже те его разновидности, которые нередко оценивались негативно.

С другой стороны, нельзя не отметить, что слово *бунт* почти во всех своих значениях, кроме специализированного, оцененного в ССРЛЯ как термин из области политики, свойственно народно-разговорной речи и его употребление в тексте всякий раз мотивируется либо необходимостью охарактеризовать персонаж посредством его речи, либо налетом разговорности, присущим всем без исключения случаям нейтрального употребления слова, если выйти за пределы узкого контекста, которым мы вынужденно ограничивались.

⁸ О том, что это не умозрительно-арифметически извлекаемое явление, свидетельствуют, в частности, наблюдения А. И. Корнева. Сошлемся на его статью *Северные и северо-западные русские говоры как источник семантического развития*, опубликованную в сборнике: *Северно-русские говоры*, т. 2, Ленинград 1975.

⁹ Назовем для примера слова *баловать*, *баловаться*, *зверь*, *звериный*, *озорной*, *озорник*, *озорство*.